

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 8 (120)

СЕФЕРБЕЙ ЗАН: АРИСТОКРАТ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР, ПОСОЛ Материалы к биографии

Литература:

Bell – Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. Vol. I. L.: Edward Moxon, Dover Street, 1840. 451 p-s.

Бэлл – Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1 – 2. Нальчик: «Эль-Фа», 2007.

Henze – Henze P.B. Circassian Resistance to Russia // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L.: Hurst & Company, 1992. P.

Robinson – Robinson G. David Urquhart. Some Chapters in the Life of a Victorian knight – errant of Justice and Liberty. Oxford: Basil Blackwell, 1920. P. 54 – 55.

Дегоев – Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе и современность. М.: «Русская панорама», 2003.

Лонгворт – Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов / Пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик «Эль-Фа», 2002. 541 с.

Фелицын – Фелицын Е.Д. Князь Сефер-Бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 295 с.

ШССТАК – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили, Тбилиси, 1953. 561 с.

Детальную научную биографию выдающегося политического деятеля Черкесии 30-50-х гг. Сефербея Зана (Занок) (1789, Анапа – 1859, долина Вордобгач в верхнем течении Абина) еще только предстоит написать. К сожалению, надо признать, что при нынешнем уровне нашего знания архивов Турции, эта задача еще длительное время не будет осуществлена.

На сегодняшний день наиболее последовательный опыт изложения биографии С. Зана – монография известного кубанского дореволюционного историка Евгения Дмитриевича Фелицына (1848 – 1903), опубликованная в 10-м томе «Кубанского сборника» в 1904 г. Она построена полностью на российских документальных и

нарративных источниках и несколько откорректирована той информацией, которую этот внимательный исследователь получил от адыгов, знавших Сефербея лично. Фелицын рассматривает Зана как политического лидера, искреннего и последовательного борца за свободу Черкесии: «В ряду многочисленных представителей аристократии адыгского народа (черкесов) князь Сефер-бей представляет собой выдающийся и небывалый у горцев пример политического деятеля, который долгое время имел весьма заметное влияние на ход событий войны на Западном Кавказе. В течение 30 лет он неизменно оставался посредником в отношениях своего народа с Турцией и ревностным защитником независимости родной страны. Нуждаясь в помощи Турции и веруя в силу влияния Сефер-бея на правительство этой державы, западно-кавказские горцы возлагали на него большие надежды и в этих надеждах черпали новые силы для упорной борьбы с нами. Достигнув в Турции высокого общественного положения, соответствующего чину паши и возвратившись в 1855 году на родину, Сефер-бей задался целью соединить под своей властью разрозненные племена горцев и образовать из них нечто вроде независимого княжества под покровительством Порты; затем, он всеми способами возбуждал своих соотечественников против русских и руководил действиями натухайцев почти до последних дней своей жизни. Не менее важно было значение Сефер-бея, как опасного соперника Магомет-Амина, явившегося в Закубанский край с целью распространения среди горцев шариата и увеличения власти Шамиля». (Фелицын, 21).

«В последних числах сентября 1901 года, – вспоминал Фелицын, – мне пришлось встретить в Суворовско-Черкесском поселке старого натухайца, который жил на р. Сукко по соседству с Сефер-беем и хорошо поэтому его знал. По его словам, Сефер-бей, несмотря на все испытанные им неудачи, не утратил престижа в глазах народа и до самых последних дней

Сефербей Зан

своей жизни пользовался большим уважением». (Фелицын, 160).

На страницах «Ликов...» мы уже обращались к истории Сефербея Зана (выпуск 39 от 10 февраля 2011 г.). Настоящий материал призван дополнить ту, самую общую, структуру биографии политического деятеля, которая представлена статьей 2011 г.

Пункт биографии, совершенно необходимый для понимания статуса и характера политической деятельности С. Зана – вопрос о его полномочиях.

Полномочия Зана. В самом деле, можем ли мы считать С. Зана полномочным представителем черкесов? Для ответа на этот вопрос обратимся к нескольким источникам.

Весной 1832 г. Сефербей покинул родину тайно от российских военных властей, которые бдительно надзирали за всеми его передвижениями. «Многие из приверженцев натухайского народа, – сообщал комендант Анапы ген.-м. Вышеславцов, – посещающие анапский меновый двор, за достоверное сообщили, что проживающий постоянно в горах, между натухайцами, князь Заноглу Сефер-Бей, посещавший не раз крепость Анап и ведя со мной одновременно переписку по разным делам горцев, в недавнем времени приглася с собой одного мурлу Хаджи-оглу и натухайского кня-

жеского сына Магомет Шупако – Наурзук, на весьма малом турецком судне, находившемся в Суджук-Калейской бухте, бежал тайно в Анатолию, но в какой город и по каким причинам неизвестно и самим горцам, а только слышали они, что Сефер-Бей, будто бы из Анатолии намерен быть в Константинополе и видеться с султаном, так как посланник народа, я же предполагаю достовернее, что Сефер-Бей отправился в Анатолию для ходатайства или извещения о захваченных в Суджук нашими крейсерами шести турецких судах, находящихся ныне в Геленджике». (Рапорт Анапской крепости коменданта ген.-м. Вышеславцова командующему войсками на Кавказской линии и Черномории, господину ген.-л. и кавалеру Вельяминову, от 23 мая 1832 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 9. Л. 2 – 2 об.). Вышеславцов не мог предположить, что дипломатическая миссия Сефербея Зана продлится четверть века.

Важный источник сведений о Сефербее – книга британского политического и общественного деятеля Джеймса Станислава Белла (1796, Данди, Шотландия – 1858, Глазго, Шотландия) «Дневник пребывания в Черкесии». Белл подчеркивает то обстоятельство, что отбытие Сефербея в Стамбул не было его личным делом, но что предварительно он объездил различные области Черкесии и заручился поддержкой «вождей и влиятельных персон, чтобы добиться своего назначения в качестве посла, коему поручено будет обеспечить краю помощь зарубежной державы и заручиться у народа обязательством не покоряться России. Первое обращение вместе с судьей Мехметом было им принято к султану; и, так как оно оказалось безрезультатным, по крайней мере, в настоящий момент, они, будучи глубокими политиками, обратились к Мехмет-Али». (Бэлл, т. 2, 174). Упомянутый здесь Мехмет-Али – правитель, фактически, независимого Египта, успешно проведший модернизацию армии и флота.

Российский посол в Турции Бутенев в письме барону Ро-

зону, командующему Кавказским корпусом, подчеркивал: «Он (Сефербей, прим. С.Х.) имел у себя письменно род полномочий, скрепленных печатями около 200 горских узденей и начальников» (ШССТАК, 101).

Период, когда Сефербей совершил объезд различных районов Черкесии, по всей видимости, относится к лету и осени 1831 г. В это время он упоминается в составе руководителей народного собрания, которое перемещалось из района Майкопа на Большой Зеленчук, с целью консолидировать все население и привести его к присяге. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42: Дело о восстании абазехов и других горских племен. Л. 79).

Согласно русскому источнику, в Константинополе английский посол лорд Понсонби вел переговоры с князем Сефер-беем, который прибыл в Константинополь в качестве уполномоченного старшин двенадцати кавказских племен для переговоров с турецким правительством и английскими представителями в турецкой столице; о ходе этих переговоров Понсонби лично писал Беллу. (Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории, N 11. 1950. С. 103).

«Лига, послом которой был назначен Сефер-Бей, состояла из следующих двенадцати провинций: Натухач, Шапсуг, Абазак, Псадуг, Темиргуй, Хатукой, Макош, Бесни, Башилбай, Тебердех, Браки и Карачай». (Бэлл, т.1, 338).

Белл дал детальное описание процесса создания союза этих племен, который он рассматривал как основу для еще большего государственного объединения на Кавказе: «После того, как Осман Паша уступил Анапу русским и Турция смирилась с условиями, ей предложенными Андрианопольским договором, договором, который потребовал от нее, кроме действительных с ее стороны жертв, обязательство, касающееся Черкесии, а именно формально уступить то, чем Турция никогда не владела – «все побережье Черного моря», после чего черкесы убедились, что их главная, если не единственная надежда покоится на

них самих и на их собственных шпагах. Поэтому они готовятся самостоятельно продолжать войну против России. С этой целью Сефир-Бей, самый видный из их князей, судья Хаджи-Оку Мехмет и другие влиятельные и высокопоставленные персоны отправились в турне по провинциям. Везде их встречало собрание специальных представителей, которые под присягой брали на себя обязательство от имени своих сообществ оставаться верными друг другу и отвергать все условия повиновения, каковыми бы те ни были и какие могла бы предложить Россия, если только они не санкционированы общим их одобрением. Одновременно они пожаловали князю и судье звание послов, чтобы попытаться добиться для себя помощи из-за границы, специально поручив первому оставаться в зарубежье для окончательного достижения этой цели. Особо было оговорено, что никакое изменение не может быть внесено в положение договора без согласия или даже присутствия Сефир-Бея. Вот уже почти семь лет, как он отсутствует и так как ничто не говорит о том, что он собирается при нынешних обстоятельствах возвратиться (что нельзя объяснить чувством страха, так как все согласны признать в нем храбрый и смелый человек), он напоминает нам того законодателя, который заставил своих подданных поклясться слушаться его законов до его возвращения и который после того навсегда покинул свою страну». (Бэлл, 337 – 338).

Внешнеполитические аспекты, на фоне которых Сефербей начал свою дипломатическую работу. Надо заметить, что время для начала миссии Сефербея в Стамбуле было крайне неблагоприятным. В 1831 – 1833 гг. имел место масштабный военный конфликт между Османской Турцией и, формально, османским же Египтом. В 1832 г. армия Мухаммеда Али под началом его старшего сына Ибрагим-паши заняла Сирию и значительную часть Анатолии. 2 февраля 1833 г. египтяне заняли Кютахью, а их авангард вступил в Бурсу. Османская империя была на грани краха и ее выручила военная и политическая поддержка Российской империи. В марте 1833 г. 20-тысячный русский десант высадился на азиатском берегу Мраморного моря. (Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М.: «Наука», 1966. С. 93 – 94).

При посредничестве Франции и Англии наступление египтян было остановлено. 4 мая 1833 г. в Кютахье был заключен мир между Турцией и Египтом. Это не был обычный мирный трактат между странами, поскольку Египет продолжал считаться частью державы Османов. Последовал фирман султана Махмуда II (1808 – 1839), которым он отдавал под управление Мухаммеда Али Египет, Сирию, Аравию, Судан, Палестину, Киликию и Крит. Оказалось, что империя вассала больше и богаче, чем империя сюзерена.

Льюис, Дж. Портрет виконта Джона Понсонби, около 1841 г.

26 июня 1833 г. Россия и Турция заключили оборонительный договор в Ункяр-Искелеси, летней резиденции султана и временной ставке русского командования. «Отдельная и секретная статья» гарантировала России, что в случае войны с другими державами османское правительство не пропустит в Черное море флоты других стран, тогда как русский флот сохранял возможность выхода из Черного моря. (Юзефович Т. Договоры России с Востоком. М., 2005. С. 109).

Таким образом, этот договор в весьма существенной степени ограничивал суверенитет Турции и ставил ее в зависимое от России положение. А Сефербей должен был искать действенной поддержки со стороны Турции в момент ее наибольшего ослабления.

В политических и деловых кругах британского общества условия русско-турецкого договора 1829 г., подписанного в Адрианополе, оценивались как угроза интересам Британской империи. Не только узкая полоса побережья от устья Кубани до Аджарии, указанная в IV статье договора, согласно итогам войны отошла к России, но и вся Черкесия (Западная Черкесия, Северо-Западный Кавказ) по мнению царского правительства и по молчаливому согласию султанского кабинета, теперь становились частью владений российской короны. Это давало грандиозные преимущества Петербургу в осуществлении его планов по завоеванию Турции и Ближнего Востока. Британия имела свои собственные виды на турецкое наследство и стремилась всеми способами воспрепятствовать усилению позиций России в бассейне Черного моря.

Сразу после подписания русско-турецкого договора в Адрианополе, правящие круги Великобритании стали оспаривать правомочность такой территориальной уступки. Присоединение Черкесии к Российской империи было охарактеризовано как грубое нарушение Лондонской конвенции 1827 г., запрещавшей России искать территориальных приобретений за счет Османской империи. (Дегоев, 60).

Британские дипломаты и члены парламента подчеркивали самое важное обстоятельство для определения внешнеполитического статуса Черкесии, которое впоследствии повторял К. Маркс. Оно заключалось в констатации фактической и юридической независимости Черкесии, выражавшейся в емкой и одновременно точной формулировке, согласно которой Турция не могла передать России того, чем не владела сама. Отмечалось также, что само царское правительство никогда до 1829 года не признавало Черкесию турецкой территорией. (Дегоев, 122).

Осознание важности выработки принципиальной позиции по вопросу о статусе Черкесии в Лондоне наступило после подписания очередного русско-турецкого договора в Ункяр-Искелеси в 1833 г. В британской аналитике получила всеобщую поддержку идея «разгерметизации» Черного моря, которое в конце 20-х – начале 30-х годов XIX века едва не превратилось в «русское озеро». Эксперты в области британских интересов на Ближнем и Среднем Востоке подчеркивали необходимость создания независимого черкесского государства под протекторатом Великобритании. Черкесия рассматривалась британскими авторами как самый действенный барьер на пути царской экспансии в направлении Турции, Ирана и Индии. Первой задачей в реализации стратегии сдерживания являлось установление свободной торговли Западом с Черкесией. В конце 20-х годов Де Ласи Эванс выдвинул идею коалиционной войны Англии, Франции и Турции против России, предвосхитив почти на четверть века создание такой коалиции в период Восточной войны (1853 – 1856 гг.). (Дегоев, 58).

В британской позиции, тем не менее, намечалось, по крайней мере, два существенно противоположных подхода. Правящие кабинет и партия делали ставку на политико-дипломатические и экономические методы противодействия российской экспансии. Тогда как оппозиция, весьма сильная в этот период, клеймила правительство за слабость и потакание агрессии. Крупные британские торговые дома и банки, ведущие дела на территории Османской империи, а также достаточно явно – британское посольство в Стамбуле – поддерживали стратегию оппозиции и апеллировали к «вечным ценностям» британского общества. Они заявляли, что стремление аннексировать Черкесию является абсолютно незаконным действием со стороны России и что англичане обладают неотъемлемым пра-

вом вести свободную торговлю с свободной страной – Черкесией. А это освященное веками право должно быть, в случае необходимости, поддержано британским флотом. К числу наиболее последовательных и горячих сторонников такой линии поведения в отношении могущественной восточной империи относился секретарь британского посла в Стамбуле Дэвид Уркарт (David Urquhart, 1805 – 1877). Несмотря на свой достаточно скромный пост, Уркарт организовал и возглавил мощное политическое движение, направленное на коренное изменение британской внешней политики на Востоке.

Сефербей и Уркарт. Сефербей, насколько можно судить по отрывочным сообщениям, выступил организатором визита секретаря английского посольства в Турции Д. Уркарта в июле 1834 г. в Черкесию.

Командант Геленджика полковник Чайковский от «преданного нам черкеса» 3 августа 1834 г. получил информацию о том, что около 14 июля в Суджук на одном судне прибыли англичане: «двое из них с одним переводчиком турецкого языка съезжали на берег, были в доме черкеса купца Али-Шабазза; сей о приезде их дал знать кн. Пшимаф, в Цимез, за пять верст от Суджука. Пшимаф в тот же день приехал с несколькими дворянами, которым англичане привезли из Анатолии поклон от известного изменника Сафир-бея, и объявили, что он чрез месяц придет к ним. С ними вместе англичане отправились на другой день в Астагай, верст за сорок к стороне Анапы; там собиралось к ним до 150 натухайцев. (ШССТАК, 49).

В следующем показании шпиона, названного теперь по имени – Киракоку-Гасан-Мамыра – перечислены лица, встречавшие англичан: Басток-Пшимаф, Чириок-Сагамыш, Шириохок, Шабеадле и мулла Хаджиюк. «На пути в Астагай и в оном ни к кому не заезжали, при Астагае взбирались только на высокую гору, называемую Вогаме, с которой рассматривали в зрительную трубу окрестные места и, по указанию Басток-Пшимафа, на Анапу и Кубань, якобы с той горы видимые. На обратном пути к Суджуку англичане останавливались в сакле простого черкеса на короткое время для отдыха. Все это показавший узнал от других черкесов, но подробнее от своего приятеля, бывшего в суджук или Цымезе во время пребывания там англичан и ездившего за ними при дворянах в Астагай и на гору Вогаме». (ШССТАК, 50).

У Лонгворта мы узнаем название судна, на котором совершил поездку в Черкесию Д. Уркарт – яхта «Миссиф». Согласно Лонгворту, визит Уркарта сопровождался массовым скоплением людей, жаждавших утешиться в своей надежде на помощь в борьбе со стороны Англии: «Можно легко представить себе, какое впечатление должно было

произвести появление англичанина (первого, который посетил их страну) при подобных обстоятельствах; это было поистине как гром среди ясного неба; и энтузиазм, с которым они толпами собирались вокруг него со всех кварталов в течение трех дней его пребывания в окрестностях Анапы, доказывал, что они уже тогда надеялись на осуществление своих самых отчаянных надежд. После приобретения способа общения и заступника их простота стала обнажаться с каждым новым препятствием. И хотя мистер Уркарт сделал все, что мог, чтобы затушить их чрезвычайные надежды, которые они возлагали на его визит, и хотя, принимая и обязуясь передать послания их руководителей, составленные в адрес нашего правительства, он говорил им, что не может обнадежить их в скорой военной помощи, но что им со своей стороны необходимо установить единство и центральную власть прежде, чем устанавливать какие-либо политические отношения или будет признана их независимость, тем не менее они с того дня и до сих пор не перестают смотреть на Англию как на силу, покровительственная защита которой в конце концов встанет между ними и их угнетателями». (Лонгворт, 28).

Действительно, появление официального лица, представителя британского посольства, не могло не ободрить черкесов, которые уже отчаялись получить поддержку со стороны Турции или новой могущественной мусульманской державы в Египте и Сирии под управлением Мухаммеда Али.

Басток-Пшимаф – князь Пшимаф Вастоко, владевший долиной Вулана (Чёпсина), а также имевший наследственные владения в разных уголках Натхокуаджа, в том числе – в Цемезе. Согласно Беллу, он встречал в 1834 г. Д. Уркарта и показывал ему, Беллу, место высадки знаменитого британца: «С возвышенности (над Цемезской долиной, прим. С.Х.) князь Пшимаф, нас сопровождавший, показал нам священное место (каковым они справедливо его считают), где Дауд-Бей (Уркарт, прим. С.Х.) как раз три года назад имел встречу с окрестными вождями и впервые вдохновил их мыслью объединения, как нации, с другими жителями горных областей под одной властью и одним знаменем». (Бэлл, 180). Белл несколько критично воспринимал Пшимафа, как человека «недостаточно годного для государственных дел», охотно посвящающего свое время общению и сопровождению гостей – Белла, Лонгворта и еще некоего состоятельного молодого английского джентльмена, который фигурирует в записках Белла как Надир-бей. Пшимаф хорошо играл на скрипке и «обычно одаривал нас своим участием в наших мясных обедах». (Бэлл, 216).

Следующее лица из списка тех, кто встречал Уркарта – Чириок-Сагамыш и Шириохок – также часто упоминающие-

СЕФЕРБЕЙ И УРКАРТ

9

Дэвид Уркарт.

ся на страницах дневника Белла черкесские лидеры – Кехрико Шамуз (Kehri-ku Shamuz, в русских документах существенно разные транслитерации – Цыгамиз, Кери Оглу Цагмыч и пр.) и Чуруг-Оку Тугуз (Шурухуко Тугуз), соответственно. Оба – представители тлекотлешского рода Шупако. Мулла Хаджиюк – по всей видимости, также герой книг Белла и Лонгворта, часто упоминающийся в русских документах – старший кадий Натхокуаджа Мехмед-эфенди или Мехмед Хаджи Али-эфенди, которого Лонгворт еще именует и «государственным секретарем». «Россия может похвастаться Нессельроде, а Англия – Пальмерстоном, то Черкесия имеет своего Хаджи-Оли, такого же, как те двое, совершенного мастера надувательства». При этом, Лонгворт признавал, что «Мехмет-эфенди был настоящим патриотом своей страны». (Лонгворт, 105, 121 – 122).

«Г-н Уркварт был в Семезе и Хохое (Анапской долине, прим. С.Х.) в июле 1834-го, и со следующего месяца, благодаря его призывам, под руководством корпуса вождей из Натухача началось принятие присяги в этой местности (Хабль)». (Бэлл, 319). Белл несколько раз пишет о громадном по последствиям «трехдневном рыцарском визите» Дауд-Бейя (Уркварта), ясно сформулировавшего и донесшего до черкесской элиты идею строительства национального государства. (Бэлл, 161).

«Наиболее известного черкеса, с которым Уркварт и все эти другие англичане вошли в контакт в Константинополе, был князь из выдающегося семейства, Зан-оку Сефир Бей, который прибыл в Турцию в качестве представителя союзных черкесских князей, чтобы организовать поддержку для черкесского сопротивления. Многие из его биографии и статуса остаются неясным и, в конечном счете, должно быть извлечено из османских архивов или мемуаров. Некоторое время он пользовался де-факто званием посла при дворе султана и принимал участие в дипломатической жизни Константинополя. Например, он был

награжден султаном Махмудом за свое мастерство в стрельбе из лука на состязании на Ок-майдане. Русский посол, присутствовавший здесь, спровоцировал дипломатический инцидент и заявил, что царь оскорблен той честью, которая оказывается ренегату. Он пригрозил покинуть свой пост, если черкесский «посол» не будет изгнан из Константинополя. Османские власти согласились и переместили Сефир Бейя в небольшой городок недалеко от Эдирне, где в конце 1830-х годов, он принимал депутации из Черкесии и время от времени направлял ободряющие послания своим соотечественникам.

Неофициальные британские представители в Черкесии рассматривали Зан-оку Сефир Бейя в качестве потенциального лидера, вокруг которого высоко индивидуалистические черкесские князья и дворяне могли бы сплотиться, но их усилия наделить его этой ролью не увенчались успехом. Насколько хорошо он на самом деле подходил к этой роли, судить тяжело, поскольку в исторических источниках он остается несколько туманной личностью. После отъезда Уркварта, британское посольство в Константинополе держало англичан, которые имели дело непосредственно с черкесами, на расстоянии вытянутой руки. Это могло сделать Сефир Бейя более скептическим, чем большинство его соотечественников, насчет вероятности того, что значительная британская поддержка – дипломатическая или военная – когда-нибудь материализуется». (Henze, 84).

«История отношений Дэвида Уркварта с Черкесией является одним из самых романтических эпизодов его жизни. Он был первым англичанином, который высадился на ее берегу, и во время своего визита он находился там совсем один. Красота и великолепное телосложение этих горцев, живущих простой, примитивной жизнью, их благородные традиции и редкие по мастерству ремесла, произвели на него впечатление не меньшее, чем его интеллект, огонь его энергии и его уникальная и увлекательная личность произвели на них. Они просили его стать их главой и вести их, как в совете, так и в войне, против русских, которые своей хитростью и жестокостью опустошали их страну и присваивали их землю. Он отказался, думая, что сможет лучше служить им в своей собственной стране, и, хотя он не достиг своей цели, черкесы никогда не теряли веру в него. Двадцать лет спустя, в разгаре агонии своей страны, они послали трех своих представителей в Англию, веря в величие нации, к которой принадлежал «Дауд-бей», а также в то, что он все еще обладал силой и влиянием». (Robinson, 54).

«Все рыцарство Уркварта воодушевлялось примером этих патриархальных племен Кавказа, которые, обладая странной размерностью с Шотландию, все еще успешно противостояли «миллиону штыков», которыми Провидение наделило Россию. «Россия, – писал Уркварт, – никогда не будет в состоянии завоевать черкесов Черного моря... Ни одно другое государство никогда не обладало Черкесией. Черкесия, следовательно, не может быть получена в качестве уступки... Россия уступила Черкесию, которой она не обладала, Турции, для того, чтобы спустя несколько лет заставить Турцию, которая точно также не обладала ею, уступить ее России. Это уступка состоялась в соответствии с Адрианопольским договором. Россия отныне приступила к работе по покорению Кавказа, который был действительным препятствием для ее продвижения на Востоке. В 1831 г. она установила то, что, практически, являлось блокадой черкесского побережья, под предлогом чумного карантина, запрещая торговлю с любым местом, за исключением двух станций, где она имела таможи. Таким было положение, когда Уркварт посетил Черкесию в 1834 г. Его негодование возросло от несправедливости по отношению к этой маленькой нации, в то время как Англия, защитница угнетенных, выглядела безразличной. Лорд Понсонби полностью сочувствовал ему. «Ваш визит был поводом больших эмоций, – писал он в сентябре 1834 г. – Я думаю, что это важно, чтобы правительство способствовало в достаточной степени основанию политического государства черкесских народов без каких-либо задержек. Будете ли вы составлять записку на эту тему? Я отошлю ее со своим донесением. Это правильно, что вы должны получить возможность для изложения фактов, которые известны до сих пор лишь в общих чертах. ...Если мы не предпримем меры, то Россия будет обладать Кавказом и всей властью, которая даст ей это обладание, над Турцией и Персией». (Robinson, 55).

Известный востоковед Пол Хенце отмечал: «То, что мы уже знаем, позволяет сделать предварительные выводы: британские и турецкие усилия для поощрения и поддержки сопротивления на Кавказе были почти полностью за пределами конвенциональной дипломатии. В терминологии конца XX века это назвали бы операциями скрытого действия или войны низкой интенсивности. Они были предназначены для того, чтобы поддерживать в сопротивлении надежду, беспокоить потенциального врага, и сохранять имеющиеся варианты для более энергичных будущих действий, если международные события сделают их возможными, а обстоятельства будут благоприятны им. Если лорд Пальмерстон не поддерживал бы в какой-то степени деятельность англичан, которые отправлялись в Черкесию в 1830-е гг., она не продолжалась бы на про-

тяжении столь длительного времени. Среди османского чиновничества были многие, кто побуждал своих соотечественников помогать черкесам. Но ни Пальмерстон, ни правительство Османской империи не были готовы к риску явных последствий своих симпатий или своих наибольших чаяний. Взгляды, которые Пальмерстон выразил в письме к лорду Джону Расселу во время Крымской войны, вероятно, не далеки от тех, которых он придерживался в 1830-е гг.: «[Изгнать русских из дунайских княжеств и оставить их в полной силе] это все равно как выпроводить грабителя из своего дома, чтобы он снова возвратился при более подходящих обстоятельствах. Лучшая и самая эффективная безопасность будущего мира в Европе состоит в отрыве от России некоторых приграничных территорий, приобретенных ею в последнее время – Грузии, Черкесии, Крыма, Бессарабии, Польши и Финляндии. Она все еще будет оставаться огромной державой, но с гораздо меньшими возможностями для агрессии против соседей»». (Henze, 80 – 81).

«Британцы и турки, работая вместе в Константинополе, помогли черкесам составить декларацию независимости, которая служила как для воодушевления сопротивления, так и для оповещения о нем. По прибытии из Черкесии, Эдмунд Спенсер сообщил: «Мне показали несколько экземпляров Portfolio, содержащего их декларацию независимости, переведенную на турецкий, одну из которых каждый князь и благородный носит с собой, может ли он прочесть ее или нет, и относится к ней с тем же почитанием, с каким турки относятся к Корану. Всякий раз, когда они предпринимают воинственную экскурсию, национальный флаг несет в главе партии, и на каждом общем собрании он выставляется на видном месте». «Portfolio», частный журнал, учрежденный в интересах министерства иностранных дел Великобритании, был созданием замечательного шотландца, первого британца, ставшего черкесским энтузиастом, Дэвида Уркварта. Родившись в 1805 г., он сперва отправился в Грецию, чтобы помочь этой стране отстоять свою независимость. Он прибыл в Турцию из Греции в 1831 г. и был нанят британским послом Стратфордом Каннингом в качестве конфиденциального помощника. Он превратился в яркого туркофила к тому времени, как возвратился в Англию, где в 1833 г. он опубликовал книгу под названием «Турция и ее ресурсы». Эта книга так понравилась королю Вильгельму IV, что он послал ее всем своим министрам и призвал своего министра иностранных дел Пальмерстона привлечь на службу молодого автора-активиста. Планировалось направить его в 18-месячную разведывательную поездку по Востоку вплоть, возможно, до Центральной Азии и Афганистана. Этот план не осуществился, так как он нашел более предпочтительным дея-

тельность на кавказских рубежах Европы. Уркварт вернулся в Турцию в конце 1833 г. Он посетил Черкесию в июле и августе 1834 г., якобы, с целью изучения возможностей для британской торговли, но его интересы простирались далеко за пределы коммерческой сферы. Тем временем, Каннинг был смещен на посту британского посла в Порте Джоном Понсонби, который, как и его предшественник, кажется, отнесся со значительной симпатией к энергичному молодому шотландцу». (Henze, 82 – 83).

«Студенты, изучающие дипломатическое взаимодействие и идеи этой эпохи, знают, что главные действующие лица – Пальмерстон* в Лондоне и Понсонби в Константинополе – оценивали свои мотивы и намерения по-разному. Для дальнейшего исследования вопроса хорошо сфокусироваться на самом Уркварте. Когда, будучи официально назначен секретарем британского посла, он приехал снова в Константинополь в начале 1836 г., он предпринял мало усилий, чтобы вести себя как конвенциональный, то есть соответствующий установившимся правилам, дипломат. Поскольку в Англии он произвел сенсацию, опубликовав в «Портфолио» коллекцию русских документов, привезенных из Варшавы польскими эмигрантами, бежавшими после подавления восстания 1830 г. Документы разоблачали царистские экспансионистские амбиции и отсутствие намерения соблюдать обычные правила дипломатии, принятые среди великих держав». (Henze, 83).

[*Генри Джон Темпл, лорд Пальмерстон; с 1802 года виконт (англ. Henry Temple, 3rd Viscount of Palmerston, 20 октября 1784 – 18 октября 1865) – знаменитый английский государственный деятель. Министр иностранных дел: 22 ноября 1830 – 15 ноября 1834; 18 апреля 1835 – 2 сентября 1841; 6 июля 1846 – 26 декабря 1851. В 1855 – 1865 (с небольшим перерывом) был премьер-министром].

«Вполне возможно, что Пальмерстон лично возбудил у Уркварта энтузиазм по черкесскому поводу. Какими бы ни были конфиденциальные инструкции, Уркварт быстро стал координационным центром для черкесского сообщества в изгнании в Османской столице. Его судьба сделала плохой разворот, когда небольшое британское судно, «Виксен» (Vixen), было захвачено в конце 1836 г. русскими, в то время как оно попыталось нарушить их блокаду черкесского побережья с грузом соли. Дипломатический инцидент поставил все вовлеченные в него силы в затруднительное положение. Уркварт убедил другого британца, Джеймса Белла, который арендовал судно, как купец, направить его в Черкесию – против совета посла Понсонби или, может статься, по его совету. В последующем осложнении, Уркварт был исключен из посольства, а затем отозван в Лондон в 1837 г.». (Henze, 83 – 84).

Послания Сефербея к черкесам. После того, как мы убедились в том, что Сефербей являлся де-факто и де-юре полномочным представителем большей части округов Черкесии, становится понятно то внимание и уважение, с которым к его персоне относились остальные черкесские лидеры.

28 августа 1833 г. на собрании в Пшаде было оглашено письмо Сефербея, в котором выражалась уверенность в том, что Анапа вновь отойдет к туркам. Письмо было доставлено подполковником турецкой армии Али-беем, черкесом из Хизе, наиболее южного натухаевского общества. Он был в свите турецкого посла Халил-паши в Санкт-Петербурге в 1829 г., имел собственное судно, на котором и прибыл проведать свою семью и выполнить поручение Сефербея. (ШССТАК, 40).

В феврале 1835 г. последовало воззвание Сефербея к «Абазинским жителям, эфендиям, гаджиям и черному народу», в котором он выражал уверенность в том, что придёт на помощь с «двумя великими пашами», то есть с внушительным экспедиционным корпусом. Под абазинами здесь имеются в виду жители Натхокуаджа, Шапсугии, Абдзехии и Убыхии. (ШССТАК, 52 – 53).

Флаг Независимости или Санджак-Шериф. Контр-адмирал Эсмонт, командующий отрядом судов абхазской экспедиции, рапортовал барону Розену 9 апреля 1837 г.: «командир Севастопольского порта, вице-адмирал Сторжевский, с повеления к нему генерал-адъютанта Лазарева, уведомляет меня, что некто англичанин Уркварт сделал для черкес собственное своего изобретения знамя независимости; [он] хвалится в Константинополе прибыть с оным к черкесам и вручить им лично для всеобщего восстания». В этой связи, Сторжевский и Лазарев требовали от Эсмонта не пропустить английских или иных судов в Черкесию. В начале документа называется английская шхуна Wizard под управлением шкипера Lovey. (ШССТАК, 107).

В апреле 1837 г. было перехвачено письмо главного кадия Хаджи-оглу Мансура, «играющего в Черкесии политическую роль, подобную роли Рейс-Эфендия». (ШССТАК, 108). В другом документе о нем: «которого немирные шапсуги принимают у себя наместником Сафар-бея». (ШССТАК, 101). Рейс-эфенди (от араб. reis, rees – голова, и тур. efendi – титул государственного сановника, а также ученого мужа) – государственный канцлер, министр иностранных дел в Турции.

В перехваченном письме содержалось «приблизительно следующее»: «Мы более не в состоянии сопротивляться нашим врагам. Уж около трех с половиной лет, как мы безуспешно боремся за свободу нашей страны, поверив обещаниям вашим и Дауд-бея (Уркварт); до него мы не видели ни английских посланцев,

ни флага. Это он нас уверил, что английский король его послал для ознакомления с Черкесией, который хотел знать все подробности о наших племенах, так же как и помощь, которую он смог бы им предложить. Кроме того, мы получили запечатанные письма через посредство г-на Гудзона – секретаря английской королевы. В письмах этих выражалась уверенность, что наши братья черкесы не замедлят возратить себе свободу, что наши горы являются ключом к Персии и Индии и что, если бы Англия сумела приобрести расположенные кавказских князей, она в нем нашла бы гарантию безопасности Индии. В июне месяце прошлого года Даудбей прислал нам для шапсуг, натухайцев и абазехов три одноцветных флага, имеющих посередине белый круг с тремя черными стрелами, это был, по его словам, флаг независимости, присланный королем черкесам. Вместе с тем, он обещал, что мы увидим у наших берегов английское судно и, если русские попытаются оказать неуважение английскому флагу – Англия будет воевать с Россией...» (ШССТАК, 108 – 109).

Получается, что знамя в трех экземплярах было прислано Урквартом в июне 1836 г. Он назвал его знаменем Независимости, а сами черкесы переназвали его Санджак-Шериф. Видимо, это то знамя, которое уже находилось в доме главного кадия Натхокуаджа Мехмеда-эфенди, о котором писал Белл. В докладной записке начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории (февраль 1839 г.) отмечается, что «флаг этот... называли Делиберти». (ШССТАК, 178). Название «Делиберти», очевидно, восходит к «The Liberty», то есть, «Свобода».

Мы можем с большой долей уверенности предполагать, что к разработке флага был причастен также и сам Сефербей. По крайней мере, без санкции «посла Черкесии» Уркварт не должен был брать на себя столь важное дело.

В апреле 1837 г. Дж. Белл, при отплытии из Синопа, водрузил черкесский флаг на захваченное им судно. (Бэлл, 16). Находясь под обстрелом патрульных кораблей у черкесского берега, турецкий экипаж поспешил избавиться от черкесского флага, а Белл – «письмо, которое неразумно было сохранить при себе, когда я окажусь пленником». (Бэлл, 35 – 36).

Согласно Беллу, флаг получил в Черкесии название Санджак-шериф, то есть главный флаг санджака или провинции Османской империи. Его привез из Турции некий молодой человек Хатуг Усук (Хатажук?), компаньон Чуруг-Оку Тугуза – Шурухуко Тугуза. Хранился флаг в ауле главного кадия Натхокуаджа Мехмета-эфенди. (Бэлл, 117, 131).

Немногим позднее, 25 мая произошла встреча Белла с только что прибывшим Джо-

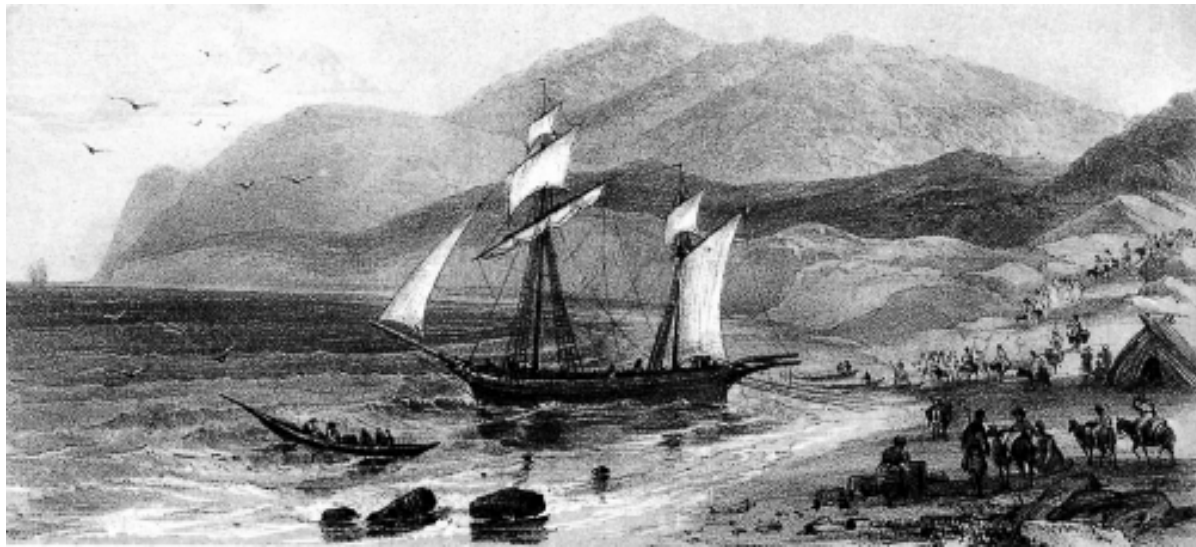

Рисунок из книги Белла изображает турецкое судно в гавани Озерка. Вполне вероятно, что это судно принадлежало Сефербею Зану, который, как и его отец, владел некоторым количеством судов.

ном Лонгвортом. При описании прибытия Лонгворта, сопровождаемого целой кавалькадой, Белл подчеркивает, что «посреди этой кавалькады – яркий черкесский флаг». Когда гости расселись на лужайке для торжественного обеда, «над нами реял новый национальный стяг». (Бэлл, 135).

Лонгворт привез флаг, выполненный, видимо, по его заказу, в черкесском стиле. По выезде из Пшады в сопровождении отряда из 15 воинов 24 мая 1837 г., Лонгворт поручил своему наемному слуге-греку развернуть знамя: «Впереди всех, несомое моим греком, которого я назначил моим байрактаром, или знаменосцем, трепетали при утреннем ветерке белые стрелы и звезды на поле зеленого шелка, уже знакомом, я полагаю, английской публике как национальное знамя Черкесии». (Лонгворт, 73).

100-летний Мехмед Индароко-Шупако, глава рода Шупако и владелец Пшады, проявил большое воодушевление при виде этого флага, которое, как подчеркивает Лонгворт, было привезено им: «Поставленное теперь на землю перед нами, оно представляло девиз, на который я намекал, в то же время говоря ему: «Когда сила и ум Кавказа объединятся так же, как эти звезды и стрелы на знамени, на котором их поместили как эмблему, он может рассчитывать на все, хотя надежда на помощь Англии тогда была бы излишней, так как тогда ему нечего было бы опасаться России». (Лонгворт, 75 – 76). На большом собрании в долине Адагума, черкесская молодежь – «бравые парни» – воодушевленно скакала «вокруг моего знамени». (Лонгворт, 95).

Ногай-Исмаил, прибывший почти одновременно с Лонгвортом, доставил письма от Сефербея, как сразу уточняет Белл, «черкесского посланника в Константинополе». В письмах содержалась настоятельная рекомендация направить депутацию «к русскому генералу с предложением мира, со взаимными обязательствами не совершать грабежи и разрушения на территориях, принадлежащих двум народам». Белл пишет, что этот совет Сефербея был сделан по настоянию английского посла. (Бэлл, 136 – 137).

Корабль Сефербея. 30 ян-

варя 1838 г. Белл внес следующую запись в свой дневник: «Мы узнали, что орудийная пальба, которая была здесь слышна в прошлое воскресенье (21 января, прим. С.Х.), вызвана была вылазкой анапских русских, желавших сжечь судно, принадлежавшее Сефир-Бею, стоявшее на якоре в Сукве, приблизительно в пяти милях к югу от крепости. Я с сожалением могу добавить, что они преуспели в этом намерении, а заодно уничтожили часть товаров, складированных в Сукве и предназначенных для транспортировки на борт корабля». (Белл, 354).

Об этом событии было доложено военному министру: «Командант анапской крепости генерал-майор гр. Цукато рапортом от 21 января N 139 донес господину командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, что, узнав через лазутчика о прибытии турецкого двухмачтового судна для торговли с горцами в бухту Сухо-пе, где оно и вытасчено на берег, он поручил, за болезнью своей, командиру 5-го пешего Черноморского казачьего полка подполковнику Орлу сделать набег для истребления этого судна. Подполковник Орел, получив от генерал-майора гр. Цукато наставление, как действовать при этом набеге, выступил из Анапы в ночь с 15 на 16 января с отрядом, состоявшим из 500 человек пехоты, 50 конных казаков и 2 легких орудий. Экспедиция эта произведена была с полным успехом. Двухмачтовое турецкое судно сожжено со всем грузом, причем войсками нашими взяты в плен два турка и два черкеса; отбито: турецкий флаг судна, фальконет малого калибра, 100 штук рогатого скота и 300 баранов; сверх того сожжено два аула, из которых жители не успели спасти своего имущества. При обратном следовании отряда в крепость, горцы, собравшись до 1000 человек, делали несколько раз отчаянные нападения для отбития пленных, но были всегда с потерей для них отражены. При этом преследовании, продолжавшемся на расстоянии 15 верст, нижние чины отряда оказали твердость и храбрость, а господа офицеры отличились присутствием духа и распорядительностью. Генерал-майор гр. Цука-

то с особенной похвалой относится о командовавшем отрядом полковнике Орле. С нашей стороны потеря состояла из 3 убитых и 15 раненых; неприятель, по признаниям самих горцев, потерял до 50 человек. Взятые в плен турки (Солиман Тердженев и Абду-Мамет) при допросе показали, что судно, на котором они находились в числе 7 человек, принадлежит Сефер-бею; нагружено было в Константинополе солью и разными товарами, но что порохи и свинец на нем не было. Шкипером был житель Бургаза (в Румелии) Белял, который в Константинополе получил для доставления горцам знамя, передал оное в аул Остагай. Взятые в тот же день два черкеса показали, что на сожженном судне был именно порох и свинец, который продан и променян черкесам; сверх того один из них подтвердил показание о знамени и прибавил, что оно передано дворянину Мамсыр-Хаудулу. Все шесть матросов судна были вооружены. При взятии в плен двух из них, третий, их товарищ, с ними бывший, стрелял из ружья в нашего казака и был им убит, а шкипер и остальные три матроса спаслись бегством». (Из рапорта Начальника штаба Кавказской линии и Черномории военному министру о сожжении турецкого судна, везшего боеприпасы и турецкое знамя для черкесов, 7 февраля 1838 г., N 9, Старополь // ШССТАК, 136 – 137).

Белл еще раз возвращается к эпизоду с уничтожением судна Сефербея и объясняет его тем, что турецкий капитан «абсолютно не знал побережья и отправился прямо на Анапу, когда несколько черкесов стали подавать ему с берега знаки дальности не плыть. Но он уже оказался напротив бухты Суква, в пяти милях от крепости, и черкесы взяли на себя смелость вытянуть судно на берег и оставить его там. Чуть южнее оно находилось бы в абсолютной безопасности, при условии, что против него не была бы использована весьма значительная сила – столь эффективны эти форты, дабы препятствовать торговле!» (Бэлл, 374).

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.